

Как отравляются угольным чадом в Париже. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Как отравляются угольным чадом в Париже. Николай Семенович Лесков

«Выехал в Ростов»

Это случилось сегодня, или, лучше сказать, это обнаружилось сегодня, в половине восьмого часа утра, а случилось это прошедшею ночью. Даже может быть, что, для ясности рассказа, случай этот должно наблюдать раньше, чем со вчерашнего дня. Для ясности же рассказа необходимо, в известной мере, ознакомиться с географией и этнографией местности на которой произошло сегодняшнее трагическое событие.

В Латинском квартале города Парижа я нахожу самым удобным местом для жизни угол улицы l'École de Médecine (Эколь-де-Медесинь) и Hautefeuille (Хотфель). Здесь на одном углу живет честнейшая старуха в целом Париже, которую называют мадам Лакур. Она замечательна материнскою нежностью к своим постояльцам и тем еще, что в ее доме есть один строгий устав, известный только в Гейдельберге да в Пирятине. Далее, насупротив с этим домом на одном углу находится известная Café-de-la-Rotonde (кафе-де-ла-Ротонд), где получается «Северная пчела», а на другом углу винный погреб г. С., где некоторые русские пользуются некоторым кредитом. Далее отсюда два шага до улицы Gregoire de Tours (Грегуар-де-Тур) со всеми ее увлекательностями; еще чрез несколько шагов улица de Tournon (де-Турнон), на которой живет известный Рикорд, а отсюда недалеко и до улицы le Seine (де-Сень), где находится одна из лучших гробовых лавок Латинского квартала. Вследствие особой собразительности, которою, по уверению многих, великорусское племя наделено паче, чем все племена земные, я облюбовал это место в первый день моего прибытия из Праги, где я слушал очень умные вещи «о славянской взаимности». Я тут поселился и тут живу, наслаждаясь бездействием и сообществом двух моих соседок по лестнице. Они обе очень милые и благовоспитанные девицы и с самым добрым сердцем. В черноглазой мадемуазель Арно я открыл эту добродетель во второй день моего пребывания в Париже, но белопепельная Режина представлялась мне ужасно страшною. Мне казалось, что она робка как ундина. Однако в весьма непродолжительном времени оказалось, что это только следствие моего предубеждения насчет блондинок. Уже довольно давно я перестал называть мадемуазель Арно шампанским, потому что мадемуазель Режина тоже шампанское, но только замороженное, Да здравствует замороженное шампанское!

Но сегодняшнее происшествие случилось не с мадемуазель Арно и не с мадемуазель Режиной и даже не со мною, а с владельцем угла, украшенного надписью: «Commerçe de vins de S...n» («Торговля вином Ф. С...на»).

Я спал, и мне виделись различные сны. Сначала я видел себя на бале в Валантино. Было тесно, жарко и весело. Я пил канеты с французскими студентами; пикантные гризеты тоже пили с нами канеты, и все мы пели:

Le papa Nicette
Lui decait constamment
Pour vivre sagement,
Et très honnêtement,
Reste dans la chambrette,
Travaille toujours là.
Et la jeune fillette
Voulut obéir à...
A? à? à? à?

A monsieur son papa.
Eh! allez donc, allez donc, Turlurette!
Eh! allez donc, Turlurette, allez donc.[1]

Потом виделось мне, что мы пошли с бала ужинать к Вашету, что я вел под руку Режину, мое дивное замороженное шампанское, как услышал под моим окном отчаянный крик:

– Уголь! уголь! запах угля! Спасайте! спасайте!

Пока я вскочил с постели, на улице раздались два удара, и посыпались осколки стекол. При этом должно заметить, что улица de l'École de Médecine (Эколь-де-Медесинь) принадлежит к весьма старым улицам Парижа. Она так узка, что по ней не могут местами разъехаться две кареты; что Наполеон III намерен ее сломать и что, идучи по той улице, вы часто можете слышать над своею головою

Как отравляются угольным чадом в Париже. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
разговоры двух соседок, живущих одна насупротив другой.

– Пришел муж? – спрашивает какая-нибудь Жанета, высовываясь в окошечко своей мансарды.

– Вообрази, – нет, Жанеточка! – отвечает другая головка из противоположного дома.

– И ты одна оставалась сегодня?

– Ах, какая ты странная! С кем же я была бы?

Слезы с одной стороны и вздох участия с другой.

– Не плачь, не плачь, Бланшета, он придет; он закутился.

– Нет, он был на бале; я знаю, я все знаю.

Опять слезы. Слезы, слезы дробные, хорошенькие, французские слезки, милые, тихонькие всхлипыванья, кусанье носового платочка, и все это вдруг переходит в улыбку. Никто, кроме француженок, не умеет так улыбаться с глазами, полными слез, и устами, еще подергивающимися от недавних рыданий.

– М-м! дурак! – говорит сквозь улыбку и слезы Бланшета, глядя с пятого этажа на тротуар, где стоит растрепанный французик с посоловельми глазами.

– Ну, иди! чего ты стал? – повторяет Бланшета, утирая слезки.

– Право! – спрашивает самодовольно французик и идет нехотя. Он чванен, как индейский петух. Его любят, и он может ломаться. Это его жизнь.

– Глупец, – ласково говорит Бланшета и хочет закрывать окно.

– Ну, вот, – замечает Жанета.

– Да! – отвечает совсем веселенькая Бланшета.

Насупротив моего окна находится окно, переделанное впоперек. Нижняя половина окна освещает комнату, занимаемую г. С-н, который мне верил в долг десять литров бордо, а верхняя часть этого же окна освещает спальню его четырнадцатилетней дочери, которая приходит ко мне забирать пустые литры. У г. С. занавеска никогда не открывалась, а девица С. открывала свою занавесочку всякое утро в восемь часов. Тогда она открывала окошко, обметала стены и делала свою беленькую постельку. В это же время я открывал свое окно, любовался моей грациозной соседкой, и мы всякое утро говорили, то есть я говорил ей: «Bonjour, mademoiselle Marie», а она отвечала: «Bonjour, monsieur Nicolas!»

– Уголь! уголь! запах угля! Спасайте! – закричал сегодня под этим окном отчаянный голос, и были слышны удары по стеклам.

Я распахнул занавеску своего окна и увидел, что к окну С-на приставлена лестница, на которой стоял рабочий в синей блузе и выламывал раму. Другой рабочий стоял на той же лестнице, несколькими ступенями ниже, а у лестницы стояло пять полицейских. В две минуты оба рабочих вскочили в окно, и один из них тотчас же высунулся назад и крикнул: «Доктора, уксуса и воды!» Пять городских сержантов, один за другим, взяли по лестнице и вспрыгнули в то же окно. Все окна нашего околотка вдруг открылись, отовсюду глядели испуганные женские личики; мужчины густою толпою запрудили узенькую улицу.

«Кто отравился? Отчего? Зачем?» – «От любви?» – спрашивали женщины. «От банкротства?» – допытывались мужчины. А толпа из-под земли выросших городских сержантов разгоняла народ, за которым не могли проходить омнибусы и кареты. Ничего нельзя было разобрать. Мое окно было самым удобным пунктом для наблюдения, что делается насупротив. Там два рабочих возились с отравленником. Я видел, как они разбили другое окно, открыли камин, стащили на пол неподвижное человеческое тело и стали лить на него воду из поданной бутылки. «Кто же это уморил себя угаром: С. или его дочь? Неужто бедная девочка так рано ощутила парижскую необходимость удушить себя угольным чадом? Это ужасно! Кто? Кто?» –

Как отравляются угольным чадом в Париже. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru кричал я полицейскому, стоявшему на верху лестницы.

– Сударь, это не ваше дело, – отвечал городской сержант.

– С., сам С., – ответил мне рабочий, всегда готовый сделать что-нибудь напротив полицейскому.

А между тем три полицейских ломали дверь из комнаты, в которой отравился С., в комнаты его семейства, но дверь не подавалась, и в комнату нельзя было иначе войти, как по лестнице, приставленной с улицы к окну. В это же окно из рук в руки перелетела бутылка с уксусом, а вслед затем оттуда выглянул хлопотливый рабочий с добродушным лицом и громко крикнул: «Сукна! Бога ради, скорее сукна!»

– Сукна! сукна! – кричала толпа, озираясь друг на друга.

– Сукна! Черт вас возьми, сертучники! Сукна, для человека, для Бога! – крикнул опять рабочий, протягивая руки к толпе.

Сверху на эти руки упал красный шерстяной чулок. Он упал из окна, находящегося над моим окном.

– Bravo, гризетка! – крикнул рабочий и бросился с чулком от окна.

– Сукна! сукна! – кричал в то же окно другой рабочий, и через столько времени, сколько нужно женщине для того, чтобы разуться, на руки другого рабочего упал другой красный чулок. Я взглянул вверх и узнал ручку Режины. Это были единственные ее тепленькие чулочки, за которые назад тому две недели было заплачено франк семьдесят пять сантимов. Добрые ручки с исколотым иглоу пальчиком! как мне хотелось вас расцеловать в эту минуту, когда беленькие ножки вашей владетельницы зябли без своих тепленьких чулочков.

– Bravo! bravo! – закричали из толпы рабочие. – Bravo, бедные гризетки! Bravo, женщины Латинского квартала!

Станный звук во всех парижских криках. Это был крик одобрения, но в его звуках слышалась способность мгновенно измениться и перейти во что-то другое. Может быть, это предубеждение, но я никак не могу привыкнуть к крикам парижского народа и помню, что наш поэт сознал необходимость

Сказать великому народу:
Ты жалкий и пустой народ!

И так толпа дала «bravo» бедной Режины; девушка закрыла свое окошечко, и толпа заговорила опять о С., а С. лежал на полу своей комнаты, и сержанты все еще ломали двери. Мне теперь все было видно. С., совершенно раздетый, с черным лицом, лежал навзничь; два рабочих стояли возле него на коленях и из всей силы терли ему живот и подвздошье чулочками Режины. Доктора еще не было; по лестнице вскочил медицинский студент с длинным холщовым бинтом в руке; рабочие продолжали свою работу. С них лился пот, и они сбросили блузы.

– Вздохнул! – закричал рабочий с добродушным лицом. – Вздохнул! – повторил он, выглянув в окно и опять бросился растирать С. Режининым чулочком.

Толпа затолковала: «его будут судить», «не будут»; «он, верно, обанкрутился»; «ему, верно, жена изменила»; «может быть, дочь...» Боже! неужто это чистое дитя не ушло от общей участи!

Пришел доктор, попробовал, прочна ли лестница, и полез. Оказалось, что рабочий ошибся, что С. не вздыхал, что он задушил себя по всем правилам французского самоубийства и отравился, оставив свою торговлю вином жене и детям. «Но где же жена и дети?» – спрашивает толпа. «Где мадам С.?» – спрашивает полиция. Никто ничего не знает. Тут и есть основание трагедии, разыгравшейся сегодня в улице Эколь-де-Медесинь.

Г. С. было около 60 лет, но он был бодр, свеж и здоров. Он был не старше любого сорокалетнего петербуржца. Он имел дочь от первой жены; потом, овдовев назад тому лет около шести, женился на другой жене, с нею прижил двух детей. Жене его лет 28, она женщина довольно красивая и энергическая. По рассказам, она, кроме

Как отравляются угольным чадом в Париже. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru того, женщина необыкновенно трудолюбивая и хорошая мать. «Ее дети никогда не знали няньки и не бегали по тротуарам», – говорит моя старушка мадам Лакур. Когда я приходил в погреб к С., я, кроме того, всегда видел мадам С. за конторкой; старшая девочка помогала ей отпускать товар, а младшая возле ее училась читать; тут же вертелся и третий ребенок. Мадам С. мне всегда казалась женщиной очень приятной, но немножко капризной и нетерпеливой: это выражалось в ее приемах, движениях бровей и в голосе. У старика С., говорят, было 24000 франков собственного капитала, когда он женился на своей второй жене; но в последние годы ему все как-то не везло в торговле. Слухи носились, что они с женою живут не совсем-то ладно, но ссор так больших между ними не замечали. За мадам С. в свою очередь не замечали никаких воль-о-ван. Но, назад тому дней пять, мадам С. исчезла, а с нею исчезли и двое ее детей и падчерица. Г. С. взял себе в помощь мальчика и торговал по обыкновению. В околотке у нас заговорили, что мадам С. ушла с любовником в Венсенн; другие говорили, что она живет с детьми в Монрозе, а С. молчал и на все вопросы своих обычных посетителей отвечал только, что ни жены его, ни детей нет дома. Мальчик говорит, что по ночам Г. С. то все писал какие-то счета, то вставал быстро, ходил по комнате, то плакал и молился. Вчера он закрыл свой погреб в 11-ть часов и лег в постель, но вскоре встал, пошел в комнату дочери и долго там оставался. Мальчик пошел посмотреть, что там так долго делает Г. С. Подходя к двери, он услышал, что хозяин рыдает. Мальчик взглянул в отворенную дверь: С. стоял на коленях у постели дочери и горько плакал, облокотясь руками на девственную кровать. Мальчик сошел вниз, а через полчаса сошел туда С. и, выслав мальчика спать, запер за собою дверь своей комнаты. Мальчик не видал, как С. принес в свою комнату жаровню, на которой грели вино, а утром этот же мальчик не достучался в хозяйскую дверь. Услышав угольный запах, он соскочил вниз к входной двери и в испуге начал стучать своими кулачками, пока стук этот услышали прохожие, и произошла описанная мною сцена.

Все это рассказано в толпе, стоящей на улице под моим окном, и все это потом разнесено по городу спокойною толпою.

– С. глуп, – говорили в толпе.

– Чем он глуп?

– Зачем он на старости лет женился.

Два студента, с коротенькими трубочками в зубах, пыхнули дымом под нос двум дрожавшим от сырости гризеткам и, взявшись под руки, запели:

En rendant la serpette,
Colin parla d'amour,
Et Nicette, à son tour,
Le paya de ret our.

Рабочий с добродушным лицом присвистнул начало припева, и толпа вдруг разошлась, напевая:

Eh! allez donc, allez donc, Turlurette!
Eh! allez donc, Turlurette, allez donc![2]

Больше никто не говорит уже о С. Только Режина, когда я ей принес, в 5 часов, новые чулочки, сказала мне: «А знаешь ты, какая хорошенькая мадам С. в трауре?»

– А она приехала?

– О да. Я уж ей сшила черный чепчик.

– И что тебе заплатили?

– Франк четыре су.

– И за чепчик, и за твои чулки.

– О какой ты смешной! Кто же мне будет платить за мои чулки? И разве я возьму?

– Да ведь мадам С. буржуа, у нее есть свой погреб, а у тебя даже нет камина в твоей комнатке.

– Э! мой друг! – сказала, вздохнув, Режина. – У меня холодно, у меня нет денег,

Как отравляются угольным чадом в Париже. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru чтобы нанять комнату с камином; но я еще довольно богата, чтобы купить себе жаровню и на три су самого едкого угля. Только я тогда буду черная, точно негритянка. Ты меня испугаешься, да? не поцелуешь меня? да? Ах, какие славные чулочки! Благодарю, благодарю. Пойдем сегодня, после обеда, в Водевиль.

– С какой это радости?

– Так, пойдем.

– Ну, пойдем так.

Мадам Пергон всех смешит, и все хохочут. С Режиной чуть не делается дурно от смеха. Я нахожу это неприличным, а она находит неприличным, что я не смеюсь. Возвращаясь домой и проходя мимо окна С., мы увидели свет.

– Это свечи около С.

– Ох да, – отвечала Режина. – Не знаю, вот Селины нет три дня. Нужно бы завтра сходить в Морг. [3]

– О! о! о! малютка Режина! Вы все мокры, вас измочил дождь, – говорит моя приветливая старушка. – Идите к огню скорей.

– А! у него есть огонь. Огонь! огонь! огонь, – весело кричит Режина и, подвинув к камину кресла, греет перед ярким огнем свои мокрые ножки в новых чулочках и сердится, что я пишу на каком-то дурацком языке.

О, как хорошо жить в Париже!

6-го февраля 1863 года.

Paris, rue de l'École de Médecine

Примечания

1 Папаша Нисетты

давал ей советы:

«Для жизни приличной,

достойной, отличной

в девичьей каморке

Работай, юла!»

Девушка желала

Ла-ла-ла-ла-ла-ла

Делами украсить папашы слова.

А ну, давай, давай, юла,

давай, давай, юла!

(Пер. с франц. М. Тростникова)

2 Когда на покосе

Сказал: «Я люблю»

Колен, без вопросов

Головку свою

Склонила Нисетта,

забыв про советы.

Такие дела! А ну, давай, давай, юла,

давай, давай, юла!

(Пер. с франц. М. Тростникова)

3 «Морг» – дом, в котором выставляют тела, находимые в Сене, для того, чтобы их могли признать родственники или знакомые. «Морг» обыкновенно полон народом и особенно женщинами.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

Как отравляются угольным чадом в Париже. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!